

Никита — городам бывалец, землям проходец

Жил-был Микита городам бывалеч, землям проходеч. Царь нанел его ко короны итти за тридеветь земель, в тридевято цареву. Пошел Микита, взял сухарьков. Шол-шол-шол, низко-ле, высоко-ле, близко-ле, далёко-ле, скоро скажитця, долго деитця — стоит дом большой. Зашол в дом, в доме нет никого, порб́зен стоит. Попил, поел, лёг на печку отдохнуть. Вдруг стукаютця. Забежал кривой старик. «Ах, руськой дух! Здрастуй, Микита городам бывалеч, землям проходеч». — «Здрастуй, дедушко». — «Ну, Микита городам бывалеч, землям проходеч, садись со мной, попируем». Микита отвечает: «Я того и рад». Старичок стол становил, питья-кушанья носил, сажались пировать. Сидят, пьют-едят, кушают, розговор ведут. Микита спрашивает: «Давно-ле, дедушко, окривел?» — «А я недавно окривел, лет десяток». — «А я бы тебя вылечил». — «О-хо, да я таких и ищю, лечи». — «А есь-ли у тебя олово?» — «Есь». — «Натаскай в чугу́н, да в печь поставь». Дедушко сделал так. «Есь-ли ремни у тя? Надо тебя завязать крепко, тогда бельмо сбивать буду». — «Есь, есь, довольно». Притащил старик мату́гу ремней. «Пойдём в сени, я отведаю, тебя привезу, а ты отведай, сорвётся-ле»... Пошли в сени. Стал Микита старика ко столбу привязывать, кúтал, кúтал, з́авил кругом, много раз з́авил. «Ну-ко, отведай, теньсь, мож-ле сорвать». Старик потенулса и сóрвал. «Ну ищэ тащи крепче, стану лечить, дак штобы не билса». Опять Микита стал кúтать. Кúтал, кúтал. «Отведай-ко, рвись». Старик не мог боле сорватця. Вынел Микита чугу́н, подошел и плеснул в здоровой глаз. Старик закричал: «О, вор Микита! О, вор Микита!» Микита запрётался от него в овешник. Старик сорвался и побежал за ним в овешник. Вы́свистал старик всех овец и Микиту у одного барана под брюхом. И кричит: «Прощай, дедушко!» А старик кричит: «О, вор Микита! О, вор Микита!»

Побежал Микита вперёд. Шол-шол-шол, стоит дом большой. Зашол в дом, девица онна живёт. Вошел, поздоровался, а та и говорит: «Здрастуй, Микита — городам бывалец, землям проходец. Эх ты моего отца вылечил! От отца-то ушел, от меня не уйдёшь» (старик был дьявол, нечýста сила, нечýста сила и дочи его). Кормит, поит, пируют, столуют. Вот он у ей обжилса. Итти бы надо, итти не смеет, всё думат, как-ле утти. Живёт с ей гóд-поры и брюхо ей прижил. Жили, жили, она и сына родилá, а его и надзирать не стала. Истопила она ба́енку, пошли паритця и робёноцька

понесли парить. Парились. Она робёноцька с им и послала. Микита робёноцька принёс, да в зыбоцьку повалил, топорок ухватил, да побежал. И бежит. Она из байны пришла, робёноцька ухватила да и побежала за им. А Микита до рецьки добежал. Брести глубокó, он оттюкнул дерева двá-три, плотáк сплотíл и за рецьку пехnúлса. Чем лишь отпихнулса, она и настигла его. «А, Микита — городам бывалец, землям проходец, убрáлса ты от меня». Робёнка бросíла нá землю, на голову́ стала, потенула зá ноги, голову́ и сорвала, и бросила голову́ на плотóк. Плотóк тонуть стал. Микита как-ле, однако, перечапáлса. И опеть пошел вперед.

Идёт по чистому полю, по широкому роздолью, и опеть стоит дом великой, большой. Зашол он в дом, нет никого. Попил, поел, лёг на печку отдохнуть. Бежат два молодца. Забежали. «Ах, руськой дух. Здравствуй, Микита — городам бывалец, землям проходец! Так ты нашего отца вылечил? И сестру-то бросил? Ну от нас ты не уйдёшь. Ну слезавай, Микита, попить-поись, в карты поиграть». Микита и слез. Садилса с имá за стол. Пóпили-поели, стали в карты играть. Микита говорит: «Я не мастер, я не умею». А сам што-ле маленько и пойгрыват. И стал он их нáймовать по корóн сходить. Ну они и найтуютця: «Будешь, говорят, с нами жить всегда, дак принесём, достанем». — «Куда жо я деваюсь от вас? Деватця мне нéкуды». Послали они однёго по корóн. Скоро сходил один по корóн, достал. Принёс и опеть они пируют и в карты играть стали. В карты играют, а Микита думат утти. Ночью заспáли крепко. Микита — шíм-шим, выбрался, убежал, и бежи не стой!

И бежит он по чистому полю и широкому роздолью. Дерутця лев и волк. Волк говорит: «О, Микита — городам бывалец, землям проходец, помоги лева-зверя победить, драгоценных каменьев дам». Лев-зверь говорит: «Пособи мне, Микита, куда хошь унесу». Пособил Микита лéву. Победили волка. Лев говорит: «Ну, Микита, садись на меня, плотне зá уши держись». Микита заскочил, зá уши поймалса. За ним погóня. Микита говорит: «Эй, шапка спала!» — «Где возьмёшь шапку, за сто вёрст осталась».

Притащил лев Микиту в свое царство и говорит: «Ну, Микита — городам бывалец, землям проходец, а ты не хвастай, што ехал на мне». Князь собрал тут пир, поил, кормил, Микиту напоил и корóн получил, а Микита на пиру похвастал, што ехал на лéве-звере, да и спохватилса, запечалилса: «Лев-зверь меня убьёт». И удúмал Микита взять вина сороковку (боцьку) и отвёз в чисто поле, лева-зверя хочет поить. Лев-зверь ходил, ходил и к сороковке пришел; пришел и натенулса вина и опьянел, повалилса, да и заспал.

Микита пошел, лев-зверь спит, храпит. Микита лева-зверя вязкам опутал. Лев-зверь спал, спал и пробудился и себе удивился: «Што же эка, неужли меня хмель запутал?» Худо-недобро — сорвался. Микита приходит. «Зачем ты, Микита, мной хвастал? Я тебя убью». Микита стал извиняцца: «Я был пьян». — «В заболь ведь, я пьян-от был, дак хмель-от меня опутал, я одва и сорвался». И простил лев Микиту.

(Ксения Поздеева)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.